

DOI 10.38085/2308829X-2020-2-5-10

УДК 316.2

Титаренко Л.Г.

ЛОЖНАЯ ДИЛЕММА ЛОКАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО

Титаренко Лариса Григорьевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь). E-mail: larisa166@mail.ru

Аннотация. Современная глобальная социология должна адекватно отразить новые вызовы, стоящие перед социальными науками. Социология не может более оперировать бинарными категориями и противопоставлять разные научные подходы, уровни познания, типы сообществ. Она должна соединить локальное и глобальное, контекстуальность и универсальность. Отказ от дихотомии глобального и локального поможет найти ответы на новые риски.

Ключевые слова: глобальное-локальное, контекстуальность, универсальность, бинарность, социология.

THE FALSE DILEMMA OF LOCAL AND GLOBAL

Larisa G. Titarenko, DSc (Sociology), PhD (Philosophy), Professor, Belarusian State University, professor of the Sociology Department (Minsk, Belarus). E-mail: larisa166@mail.ru

Abstract. Modern sociology should adequately reflect new challenges facing social sciences. Sociology can no longer operate with binary categories and oppose different scientific approaches and levels of knowledge. It must combine local and global, contextuality and universality. Rejecting the dichotomy of the global and local will help find answers to new risks.

Keywords: global-local, contextuality, universalism, binary, sociology.

Цитирование: Титаренко Л.Г. Ложная дилемма локального и глобального // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 5-10

Современная глобальная социология должна оперативно реагировать на новые вызовы, стоящие перед социальными науками. Этих вызовов очень много, среди них есть те, что особенно заметны, а есть и такие, которые понятны только профессио-

налам, и отвечать на них в состоянии не все страны ввиду разных ресурсов и приоритетов, а также давно сложившейся и прочно укоренившейся иерархии в социологии.

Чтобы найти адекватные ответы, исследовательское поле должно

быть равно открытым для ученых, представляющих разные страны. Тот факт, что ученые живут и работают в странах, отличающиеся по уровню экономического и политического развития, культуре и истории, религии и традициям, не определяет их интеллектуального уровня и инновационности мышления. Можно жить в богатой западной стране мира, но быть консерватором, способным лишь к повторению чужих идей. А можно родиться в незападной стране, получить хорошее образование и, наряду с признанными мэтрами, высказывать свое экспертное мнение по актуальным проблемам глобального развития. Время жесткого разделения социологии на центр (мейнстрим) и периферию (остальной социологический мир) проходит. Сегодня вряд ли возможно даже определить, какие исследовательские парадигмы более популярны в научном сообществе в целом и даже в отдельном регионе, т.к. мультипарадигмальность является признанной характеристикой социологии, а междисциплинарный подход рекомендуется широко использовать на всех уровнях исследований.

Происходит переосмысление и реконструкция категориального аппарата социологии. Производство научных знаний сегодня требует более глубокого осознания разнообразности современного мира, неоднозначности социальных проблем в разных регионах и поиска таких инструментов к решению социальных задач, которые будут эффективны для конкретных культурно-исторических условий развития страны. Популярны прежде универсалистские понятия и парадигмы чаще всего не «работают» в таких условиях. Современная социология не может

более оперировать бинарными категориями и противопоставлять существующие научные подходы, уровни познания, типы сообществ, как это имело место в прежние эпохи. Бинарное мышление и бинарный подход ведут к консервации неравенства между учеными, представляющими разные регионы мира, и к невозможности объединять их усилия для поиска эффективных ответов на глобальные вызовы и риски. Эпоха доминирования одной группы стран в социологии должна уйти в прошлое. В частности, надо отказаться от использования глобально-локальной дихотомии в анализе современного мира, равно как и от противопоставления Востока и Запада, Севера и Юга и т.п. Эта категориальная бинарность была когда-то введена в научный оборот представителями научного мира развитых стран. Она подкрепляла политическое и экономическое доминирование Запада, упрочивая их теории и подходы как безоговорочно признанные, научно доказанные и имеющие универсальное применение, т.е. как пригодные для любых других стран на локальном и национальном уровнях. Сегодня мир изменился настолько, что не только страны Восточной Европы, но и постколониальные страны Азии, Африки и Латинской Америки активно заявляют о себе в социологии и других дисциплинах и не принимают западные модели как универсальные, подходящие для решения социальных проблем своих регионов. Так, более 200 лет назад израильский социолог Ш. Айзенштадт разработал парадигму мультипарадигмальности, согласно которой в историческом развитии все цивилизации являются равными и эволюционируют, следуя собственным закономерностям

и культурным особенностям. Он доказал, что после Второй мировой войны «реальное развитие модернизации обществ опровергло гомогенизацию и гегемонистские допущения западной парадигмы модернизации», и что для разных регионов нужны самостоятельные парадигмы, объясняющие их развитие [1]. Эта концепция получила широкую поддержку в социальных и гуманитарных науках: на ее основе были представлены исламский, китайский, индийский, скандинавский, советский и другие варианты модерна [2–4]. Социологи, которые – независимо от их места проживания – пишут о проблемах глобального Юга и считают, что понимание этих проблем требует использования иных, нежели универсалистские западные теории, подходов (Р. Коннелл, С. Алатас, В. Синха и др.), развивают так называемые Южные теории [5–6]. Эти «туземные», как их иногда называют, конструкции, возможно, уязвимы для критики и не до конца логичны, но их предназначение состоит прежде всего в том, чтобы показать: данный регион нуждается в аутентичных концепциях и парадигмах, может создавать их самостоятельно и не желает подстраивать теории, созданные западными социологами, к своим реалиям.

Видимо, первые шаги в рамках мирового социологического сообщества к пониманию этой проблемы и желанию ее решать были сделаны, когда президентом Международной Социологической Ассоциации была выбрана индианка (ныне гражданка США) М. Абрахам, а после нее – представитель арабского мира Сари Ханафи. Позиция обоих лидеров демократична: они приветствуют диалог Севера и Юга. Есть шанс, что социологическое поле будет более

открытым для всех «национальных» авторов. Как утверждает С. Ханафи, с точки зрения диалоговой методологии исследования универсальность предложенных Западом категорий «возможна только через перекрывающийся кросскультурный консенсус, а не путем универсализации ценностей, приходящих из евро-американского контекста» [7]. Если не развивать равноправный диалог, в социологии будет сохраняться доминирование одних стран над другими, вплоть до авторитаризма в процессе производства новых научных знаний. Методология кросскультурного диалога позволяет включать в процесс производства знаний все страны и учитывать различия социально-исторического контекста каждой страны, национального региона. Нужны новые категории анализа и интерпретации социальных процессов и явлений, чтобы рассуждать о социальном развитии не альтернативно, а комплементарно. Только таким образом социология будет в состоянии внести вклад в международную деятельность для того, чтобы мир не был ввергнут в новые глобальные катастрофы, которые при сохранении конфронтации сторон неизбежно разразятся.

Даже, казалось бы, не обязательно драматическое противостояние глобального, национального и локального, в конечном счете, ведет к признанию того, что одна из этих категорий более важная (как правило, глобальное), чем другие. Яркий пример тому – подход Евросоюза к проблеме миграции. С одной стороны, страны Центральной и Восточной Европы, будучи членами Евросоюза, не хотят принимать у себя больше мигрантов, чем позволяют их национальные интересы (в их понимании)

и материальные возможности. С другой, Брюссель настаивает на том, что интересы целого (в данном случае Евросоюза как единого образования) и глобальные интересы (в интерпретации лидеров Евросоюза) должны превалировать над национальными. Отсюда – резкая критика в адрес отдельных стран и правительств в регионе Центральной и Восточной Европы, угрозы лишить их финансовой поддержки и т.п.

Данная социально-политическая проблема в ракурсе выбора того, «что более приоритетно», неразрешима: для каждого члена Евросоюза национальные приоритеты остаются не менее важными, чем глобальные. Более бедные страны Центральной и Восточной Европы не желают ущемлять свои национальные интересы и принимать больше мигрантов, чем они себе могут позволить. США вообще не желают участвовать в решении глобальных проблем и в снижении напряженности глобальных рисков, напротив, США даже способствуют их эскалации (через рост вооружений в Европе, жесткую миграционную политику на американском континенте, бескомпромиссные торговые войны с Китаем, Россией и даже странами Евросоюза). Еще один пример – отношение Евросоюза к Украине: хотя граждане Украины в 2018 получили возможность путешествовать в Евросоюз без визы, отдельные национальные правительства поставили на пути украинцев препятствия (в вопросе найма на работу), чтобы не получить у себя «лишних» мигрантов, даже когда в отношении мигрантов из арабских стран они практически поддерживают приток беженцев – легальных и нелегальных. Еще один пример – немотивированное решение «отложить» вопрос о при-

еме Македонии и Албании в члены сообщества (причем несколько лет назад такой прецедент уже имел место в отношении Турции). Очевидно, что интересы стран-лидеров являются решающими в подобных вопросах, даже если это подрывает уровень доверия извне к Евросоюзу.

Новая методология, требуемая в условиях отказа от дихотомии глобального и локального, – интегративная: она предполагает диалог между учеными разных стран по всем острым проблемам современности. Пока такой подход представляется далеким от практики даже в области социологии, где предпринятые в конце XX в. попытки создать интегральные метатеории не увенчались успехом и привели к кризисному состоянию [8].

Современный мир раздирается многими противоречиями, прежде всего политическими. Именно это противостояние и борьба стран и группировок за очередной передел влияния в мире, при усиливающейся важности национального и локального, ведет к неразрешимости существующих глобальных угроз и рисков. К числу таких рисков и угроз, прежде всего, относят возможность третьей мировой войны с применением ядерного оружия, глобальное потепление, рост неконтролируемой миграции. Поскольку господство неолиберальной политики на протяжении десятилетий привело мир к резкому обострению социального неравенства [9; 10], росту прекариата даже в развитых странах мира [11], не говоря уже о России [12], и новым brutальным социальным напряжениям (расовые, этнические, религиозные и пр.), мир находится в поиске других политических и экономических решений, что сопровождается

кризисами, ростом популизма, потерей доверия к традиционным политическим партиям и их лидерам. Это демонстрируют выборы в разных странах мира.

Вместе с тем, отказ от универсалистских подходов не означает, что привычные понятия (демократия, права человека, трансформация, модернизация) должны исчезнуть и не использоваться на национальном уровне. Они должны быть адаптированы к социально-историческому контексту каждой страны, включать привычные для данного региона (страны) идеи и концепты. Так, модернизация в Китае проводилась в XX веке с учетом традиций конфуцианства, и ряд теоретиков (и западных, и китайских) считают, что именно данный момент (историзм и контекстуальность) позволили Китаю не только сохраниться в качестве национальной модели общества коммунистического модерна, но и успешно конкурировать с США. Теория мультимодернов, созданная Ш. Айзенштадтом и развитая учеными всего мира, на сегодня больше других модернизационных концепций позволяет признать равнозначными национальные модели развития в мире и создать теоретическую базу для равноправного диалога цивилизаций, в отличие от теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона, исходившей из дихотомического разделения мира и выделявшей Запад в качестве образца цивилизационного развития [13].

В российском контексте хорошим примером удачного использования универсалистской категории трансформации с учетом контекста является теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной [14]. Согласно этой теории, в истории России было две основные институциональные матрицы развития, названные авто-

ром X и Y, или восточная и западная, и на определенном историческом этапе только одна доминировала. Иначе говоря, проявлялось доминирование и реализация одного представления о разнообразии общественной жизни и ее социальных институтов, а вторая матрица играла дополнительную (вспомогательную) роль. Однако сегодня, чтобы сделать качественный рывок вперед и не превратиться в страну «второго эшелона» как в политическом, так и экономическом отношении, Россия должна попытаться достичь баланса между доминирующей и дополнительной матрицами своего развития, чтобы общее движение страны вперед ускорилося. В частности, надо активно развивать инновации во всех сферах деятельности, науку, но при этом постоянно стремиться к росту уровня и качества жизни населения и не допускать нарастания разрыва в доходах между разными социальными группами и социального исключения обездоленных социальных групп. В настоящее время показатели социально-экономического неравенства в России остаются одними из самых высоких в мире [15]. Чтобы сохранить свою важную роль на глобальном уровне, Россия должна активно продвигать свои интересы на региональном уровне (например, развивать такие объединения, как БРИКС, Евразийский экономический Союз) и при этом уделять достаточно внимания своим собственным отстающим регионам. Опираясь на собственный исторический опыт, Россия может внести вклад в понимание современных глобальных угроз на всех упомянутых уровнях без приоритета какого-либо из них. Вместо дихотомии Востока и Запада, Россия давно предлагает их равноправный диалог

и учет интересов всех сторон. Но для успеха на этом пути нужна добрая воля других мировых игроков. Социология может показать пути возмож-

ного глобального противостояния угрозам, но она не может их снять или ускорить их решение, т.к. это прерогатива политики.

Библиографический список

1. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 1–29.
2. Göle N. Snapshots of Islamic Modernities // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 91–117.
3. Kaviraj S. Modernity and Politics in India // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 137–162.
4. Arnason J.P. Communism and Modernity // *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, Multiple Modernities (Winter, 2000), pp. 61–90.
5. Connell R. *The Southern Theory. Global Dynamics of knowledge in social science.* Sydney: Allen & Unwin Academic, 2007. 288 p.
6. Alatas S.F., Sinha V. *Sociological Theory Beyond the Canon.* London: Palgrave Macmillan 2017. 391 p.
7. Hanafi S. *Global Sociology – Toward New Directions* // *Global Dialogue*. 2019. Vol. 9, no 1. Доступ: <http://globaldialogue.isa-sociology.org/> (дата обращения 15.06.2019).
8. Романовский Н. В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // *Социологические исследования*, 2016, № 4, сс. 3–12.
9. Piketti T. 2014. *Capital in the Twenty-First Century.* Cambridge, MA: Harvard University Press. 685 p.
10. Вятр Е. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии? // *Социология*, 2019, № 3, сс. 25–31.
11. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Пер. с англ. М.: Гараж и Ad Marginem, 2014. 328 с.
12. Gasiukova E., Shkaratan O. Precarity: The Significance of ta Controversial Concept // *Filosofija. Sociologija*, 2019, № 2, pp. 116 -125.
13. Huntington S.P. The clash of civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993, Vol. 72 (Summer), № 3, pp. 22–49.
14. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М: ТЕИС, 2000. 213 с.
15. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // *Мир России*, 2018, Т. 27, № 2, сс. 6–35.